

**Ильяс Мустакимов,
Дмитрий Сень**

**ТРИ ОСМАНСКИХ ДОКУМЕНТА XVI В.
О РАННЕЙ ИСТОРИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ**

У даній розвідці до наукового обігу вводяться нові переклади документів про донських козаків із архівосховищ Туреччини. Розглядається коло питань, що розкривають значення східних джерел у дослідженні історії козацтва та історії Приазов'я.

Ключові слова: архіви Туреччини, Османська імперія, Кримське ханство, донське козацтво, Азак (Азов).

Вводятся в научный оборот новые переводы документов из архивов Турции о донских казаках. Рассмотрен ряд вопросов о значении и использовании восточных источников при изучении истории казачества и истории Приазовья.

Ключевые слова: архивы Турции, Османская империя, Крымское ханство, донское казачество, Азак (Азов).

The new translations of documents from archives of Turkey about the Don Cossacks have put into scientific circulation. There are considered the amount of questions about essence and use of Eastern sources at studying history of the Cossacks and the Azov Sea coast.

Key words: archives of Turkey, the Ottoman Empire, the Crimean Khanate, Don Cossack, Azak (Azov).

Документи османської епохи із турецьких архівів, прежде всего із фондів Османського архіва при Прем'єр-міністрі Турції (*Başbakanlık Osmanlı Arşivi*), архіва і бібліотеки Музею дворца «Топкапы» (*Topkapı Sarayı Müzesi*), все активніше використовуються і вводяться в науковий оборот ученими України і Росії¹. Однак, со ссылкой на собствений позитивний опыт работы в турецьких древлехранилищах, авторы считают, что далеко не все имеющиеся возможности используются специалистами-тюркологами для организации своих научных исследований². Такие документальные материалы, в частности, мало привлекаются российскими исследователями, занимающимися историей казачества. Между тем, зарубежные ученые давно и успешно используют возможности архивохранилищ

Турции при изучении истории Запорожья³, как и донского казачества, «появляющегося» на страницах письменных источников в XVI в.

В самом деле, трудно ожидать находок новых документальных комплексов по истории донского казачества XVI–XVII вв. в фондах российских архивохранилищ, как центральных, так и региональных. Проблема состоит и в том, что зачастую эти фонды не в состоянии документально отразить события, хотя и происходившие в одной и той же системе географических координат (например, на Северном Кавказе, в Приазовье), но относящиеся к истории разных государств. Документировались такие события по-разному и, заметим, самыми различными «фондообразователями». Нельзя не отметить и то обстоятельство, что национальные архивохранилища не могут восполнить такие «лакуны» еще и потому, что государства порой прерывали дипломатические сношения. Случалось такое и в истории российско-османских отношений конца XVI — начала XVII вв. Схожая ситуация повторилась во второй половине XVII в., когда после событий 1637–1642 гг., связанных с Азовом, османские дипломаты определенное время не посещали Москву.

Не менее актуальна поднимаемая нами тема восточных источников для изучения истории Крымского ханства, «северных» владений державы Османов, а также Донской земли как части Дикого поля, населенного казаками, ногайцами — связанными с интересами Москвы, Стамбула, Бахчисарая, а также других казачьих образований⁴. Речь, в частности, о таких сюжетах, как механизмы адаптации казаков в пограничье Дикого поля, их отношения с мусульманскими соседями, формирование спектра политических ориентиров Войска Донского и многообразие оценок государств-«соседей» в отношении казачества. Ощущается недостаток научных трудов о составе и происхождении некоторых групп донских казаков (тумы, донские татары), о внешних связях Войска Донского с государствами Востока, вследствие чего создается благоприятная почва для бытования историографических стереотипов. Речь, в частности, об абсолютизации российского влияния на развитие донского казачества, когда оно едва ли не целиком и полностью рассматривалось втянутым в сферу геополитического пространства Российской державы. Усилия ученых оказались направлены на изучение связей донцов с «южнорусскими уздами», участия казаков в войнах России, народных движениях на территории Российского же государства. Отсюда — недооценка других факторов, влиявших на состояние донского казачества.

Справедливой, однако, представляется гипотеза современного американского ученого Б. Боука⁵, согласно которой «симбиоз между тюрками и славянами был ключевым элементом формирования ранних казачьих обществ»⁶. Таким образом, на проблему адаптации казаков к условиям Дикого поля, истории отношений их с различными государственными образованиями можно смотреть широко, вместе с тем учитывая имеющиеся в исторической науке оценки. Определено спорным выглядит мнение о том, что, едва зародившись на южном пограничье, казачество, как обособленная этнокультурная общность, «сразу же

стала трансформироваться в особое сословие Московского государства»⁷. Более широкий путь к решению проблемы предлагает Н.И. Никитин, который пишет об иногда вынужденной мотивации казаков по развитию отношений с Московским государством⁸. Примерно такого же мнения придерживается В.Н. Королев, утверждая, что интересы Москвы и Дона «часто совпадали, но случилось, что не во всем, а иногда и вовсе расходились»⁹.

Сведений о казаках из документальных источников русского происхождения, либо (шире) отложившихся в архиве Посольского приказа, явно не хватает для ответа на вопросы о происхождении казаков на Дону, преемственности между «славянским» казачеством Дона и славянами, казаками Азака-Азова¹⁰, особенностях адаптации донцов к новым условиям пребывания во фронтальном пространстве, их этническом и социальном составе. Ситуация усугубляется тем, что материалы Донских дел архива Посольского приказа сохранились неравномерно — документы и копийные списки до 1614 г. в основном утрачены¹¹. Не является секретом для специалистов-казачеведов и отсутствие источников за ряд лет в таких принципиально важных фондах, как Ногайские дела, Крымские дела. Говоря о значении для отечественной науки изысканий в архивах Турции, подчеркнем, что архив Крымского ханства, еще одного государства, в дипломатии которого «казачий вопрос» занимал важное место, почти не сохранился¹². Его богатейшим, несомненно, собраниям, не повезло уже в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг., когда столица ханства, Бахчисарай, была сожжена русскими войсками; серьезно пострадал тогда и архив, причем, как оказалось, такого рода утраты последними не стали. Исключение составляют Казы-аскерские книги Крымского ханства — 121 книга-реестр (дефтер, сакк), поступившие в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга еще в 1905 г. В эти дефтеры заносились копии официальных документов, юридические и административные дела, находившиеся в ведении верховных судей за 1608–1786 гг.¹³, т. е., главным образом, до присоединения ханства к России.

Укажем и на такую деталь, характеризующую важность архивов Турции для изучения истории утверждения османского господства в Северо-Восточном Причерноморье, откуда турки-османы совершали военные акции и против России, и против других государств Европы, заодно контролируя Крымское ханство: территории, находящиеся под юрисдикцией кафинского наместника (паши) и крымского хана, были административно разобщены. Так, власть паши Кафинского эялета в XVII в. распространялась на районы Таманский и Адахунский (между Таманью и Темрюком) — при этом все земли указанного эялета считались относящимися к азиатскому району Османской империи. Территория же Крымского ханства была включена в Румелию и «без особого разрешения крымские татары не имели права вступать на земли кафинского подчинения»¹⁴.

Применительно к перспективам источникового изучения истории донского казачества можно выразиться тем более определенно, что нельзя абсолю-

тизировать содержание тех же Донских дел, точнее, документов, исходивших из казачьей среды и адресованных царю в расчете на получение казаками материальных преференций. Донская старшина не была заинтересована в масштабном информировании московских властей о мирных, торговых отношениях, например, с османским Азовом, вообще — т. н. «врагами христианства», включая население Крымского ханства. Иногда, пишет В.В. Трепавлов, общение принимало и абсолютно бесконфликтные формы: например, ногайские мирзы и улусники ходили «вместе с казаками на крымцев, казыевцев и азовцев. Из станиц в ногайские улусы везли мед, неводы, лодки и железные котлы — в обмен на продукцию скотоводческой экономики»¹⁵. На важность такой проблемы — роли фронта в казачьей истории, не обязательно связанной с историей Российского государства, обратил внимание Б. Боук. Изучая среди прочих вопросы состояния мирных отношений донских казаков с османским Азовом, Боук пишет: «Хотя исследователи отдают явное предпочтение тем явлениям экономики, которые были связаны с Русью, ... при скудности источников все же есть основания считать, что торговля с Азовом и Кубанью была обычным явлением... Пока документы из Османских архивов не будут привлечены к рассмотрению этого вопроса, нельзя делать преждевременные выводы»¹⁶. Торговля с Азовом, рыбная ловля и т. п. занятия прочно связывали донских казаков с жителями Азова — в эту турецкую крепость донские казаки старались попасть всеми правдами и неправдами¹⁷; при этом важно подчеркнуть, что казаки, нуждаясь в рыбе, договаривались с азовскими турками об условиях рыбного лова в регионе¹⁸. Образ дипломатического партнера, обладателя информации, важной для Войска Донского, также присутствует в образах Азова, имевших первостепенное значение для казаков. Так, еще в 1655 г. актуальным было свидетельство о том, что «у донских де казаков с азовцы мир... а замирено де... на том, что им друг другу про всякие вести сказывать». При этом надо отметить, что на тот момент стороны временно находились в ссоре — оказалось, что, несмотря на предоставление азовцами «турских» и «крымских» вестей, казаки перестали сообщать туркам, например, о содержании грамот, присылаемых на Дон¹⁹. Каналы получаемой на Дону информации, подчеркнем, проникали не только в сообщество «городовых азовских людей», но замыкались порой на персоне самого азовского бея²⁰, конечно, уточняясь и перепроверяясь самими казаками.

Интересная во всех отношениях процедура «замирения» и «розмирения» донских казаков с Азовом, уходящая своими корнями, скорее всего, в XVI в., только начинает изучаться. Даже после 1671 г. «замирение» сторон — не редкость. Сроки, на период которых действовали подобные соглашения, каждый раз были разными — от нескольких месяцев до действия формулировки «безсрочно на сколько время они меж собой похотят». Как правило, в период «замирения» резко активизировались торговые контакты сторон — казаки отправлялись в Азов, турки — в Черкасск. «Замирение» влекло за собой временное прекращение столкновений, причем указанному принципу стороны,

хотя и не всегда, старались следовать. В 1650 г. переводчик султана Зульфикарага информировал И.Д. Милославского о том, что «после примирения донские казаки приходят в Азов, а азовские люди ходят к... казакам, и так предотвращается нанесение ущерба друг другу»²¹. Своеобразие такого положения фиксировали и сторонние наблюдатели, например, в 1675 г.: «А с Азовцы де у Донских казаков замирено. Доведены покамест вода скроетца и для того с Азовцы никаких боев не было...». Многолетний, упорядоченный характер подобных практик свидетельствует об их важности не только в сохранении (повышении?) благосостояния казаков, но в истории общих процессов адаптации казаков к непростому соседству с османским Азовом. Отметим, что условия «замирения» стали в итоге сопровождаться письменной фиксацией. При возникновении пограничных конфликтов донцы неоднократно ссылались на авторитет традиции «замирения» с Азовом: «...им (казакам. — *Авт.*) азовцы ниже донецково верхнева устья ездить не велят же, а в прежних... мирах ничего от них того нам не бывало. И в мировых наших того не писано, а у нас в тех местах звериные ухужи и рыбные ловли...»²². Структуру и содержание процесса «замирения» мы признаем развитой, знаково (семиотически) маркированной его участниками. Москва была вынуждена «закрывать глаза» на данное явление даже в 1680-е гг. Со второй половины XVII в. отношения сторон стали характеризоваться новым для того времени явлением — бегством (уходом) донских казаков в османский Азов²³. В целом считаем, что тема пограничного сотрудничества Войска Донского и османского Азова — одна из самых перспективных и, вместе с тем, малоизученных в истории казачества Дона и пограничных владений Османской империи в Северном Причерноморье и Приазовье²⁴.

В «азовском зеркале» отразились многие стороны жизни Османской империи — ее менявшиеся внешнеполитические ориентиры, история отношений с Россией и казачеством, «неудобным», опасным соседом державы Османов. Азову принадлежала такая же важная роль в истории «донского фронта», донских казаков, как и Московскому государству. «Образы» Азова сильно влияли на настроения донского казачества, его активность, они служили одним из генеральных векторов его развития, по крайней мере, в XVI–XVII вв. Стремление казаков обладать Азовом, «освоить» его жизненное пространство уверенно можно отнести к числу факторов, оказывавших конституирующее воздействие на жизнь казаков, формирование особого, «пограничного» образа поведения, мышления. Интересное замечание в этой связи принадлежит М.А. Рыбловой (со ссылкой на мнение Ю.М. Лотмана о высокой аксиологической ценности «чужого» как будущего): «Осваивая... донские земли в двух направлениях..., казаки, минуя всю середину подконтрольной им территории, устраивают свой «центр» на самом краю, на границе с Турцией. Такова специфика психологии людей пограничья — стремиться к тому, чтобы быть собственно границей»²⁵. Совершенно неслучайно поэтому донцы устраивают неподалеку от Азова городок Стыдное имя (Эбок) — где осуществлялся суд по

казачьему праву, принимались одно время важные для Войска решения. Именно из низовий Дона донские казаки совершили один из первых своих в XVI в. походов на Азов, поставив крепость в трудное положение²⁶. Мечты об Азове²⁷ занимали ключевое место в тех образах воображаемой географии казаков, которые были связаны с «границей миров». Азов представлял местом притягательным и опасным одновременно, центром, подчеркивающим напряженное существование казачества на границе Дикого поля, манящим своими богатствами и пугающим своей мощью.

Азов являлся для турок-османов вековой опорой их владычества в Северо-Восточном Причерноморье, одновременно — центром одноименного санджака, т. е. частью административно-территориальной системы Османской империи. По свидетельству Эвлии Челеби, со времен султана Баязида II, правившего в 1481–1512 гг., Азов являлся султанским хассом — личным владением дома Османов. Интересная деталь, пусть и отраженная в т. н. «легендарной переписке»: русский посол Андрей Шеин, якобы отправленный «с товарищи» в Стамбул царем И. Грозным, именует Топраков (Топрак-калу) — важную составляющую единой системы укреплений Азовской линии и одну из трех ее частей — «любимым градом» султана²⁸. Долгое время Азов оставался «любимой вотчиной» и «рыбным двором» султана²⁹, экономическое значение которого для империи было огромным. Недаром французские ученые отметили, что Азов оказался единственным городом в Кафинском эялете, имевшим особое правительственное постановление о рыбе и рыбопродуктах: государство установило здесь свою монополию на осетровых³⁰. В 1552 или 1553 г. султан Сулейман Кануни назначил в Азов санджакбея. До этого наместники такого ранга туда не назначались. Владелец должности санджакбея, которому выплачивалось большое жалованье (20 тыс. дукатов согласно итальянскому источнику) и при котором состояло до 500 человек военной свиты, подчинялся лично султану³¹. Е.Н. Кушева небезосновательно связывает возросшее значение Азова со стремлением турецкого султана усилить давление на Черкессию и помочь в этом отношении крымскому хану. Согласно одному из султанских указов того времени, гарнизон крепости состоял минимум из 40 янычар, а также азабов под командованием диздара³² (коменданта крепости). В первой половине и середине XVI в. Азов являлся «портом довольно значительного сельскохозяйственного района, снабжавшего Стамбул продовольствием. Эта территория в значительной степени была поставщиком зернового хлеба, сухих овощей, растительного масла и строевого леса»³³. Осада Азова войсками князя Д. Вишневецкого, среди которых были и донские казаки, в 1559 г., а также сопутствовавшие ей опустошения в низовьях Дона вызвали голод в самом городе и в Большой Ногайской Орде.

Одно из первых документированных столкновений донских казаков с азовцами относится к августу 1548 г. Тогда казаки М. Черкашенина и И. Извольского у своей «остроги» на Переволоке «побили крымского князя Аманака да черкаского казака Елбулзлука и азовских людей многих побили», отняв у них

к тому же 7 пушек³⁴. Отметим еще раз, что османские источники могут пролить существенный свет на самую раннюю историю донского казачества, включая эпоху, связанную с именем одного из наиболее прославленных казачьих атаманов — М. Черкашенина, о котором помнили на Дону много позже его гибели в Ливонскую войну³⁵. Так, в 1565 г. кафинский санджакбей между прочим сообщал в Стамбул о том, что казак («Rus») по имени «Черкес Миша» (несомненно, речь идет о Михаиле Черкашенине), обосновался в окрестностях Азова и начал совершать враждебные действия «более 20 лет назад»³⁶. В частности, среди деталей известия мы узнаем о сооружении Черкашениным 7 острог в окрестностях Азова, грабежах азовцев и торговых судов вне крепости и, наконец, осаде крепости.

Уже в начале 1550-х гг. султан Сулейман Кануни искал союзников для борьбы с казачеством Дона, отныне — постоянным населением этого региона. Недаром в грамоте ногайского бей Юсуфа за 1549 г. сообщалось, что «разбойники русь живут на Дону»³⁷, а не приходят сюда, таким образом, лишь время от времени, как метко подметил в свое время Н.А. Мининков. На протяжении 1549–1551 гг. Юсуф неоднократно жаловался Ивану IV на «казакон и севрюков, которые сидят на Дону», грабят и громят ногайские посольства на Русь и торговые караваны³⁸. В 1551 г. русский посол «в Нагаи» сообщал в Москву о содержании письма турецкого султана к ногайскому Смаил (Исмаил) мирзе, «в котором султан... указывал, что «рука» царя Ивана над бусурманы высока... Поле де все да и реки у меня поотымал... поотымал всю волю в Озове: казаки его с Озова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут»³⁹. И хотя часть исследователей небезосновательно сомневается в достоверной передаче содержания и даже самом существовании такого письма⁴⁰, данный пассаж косвенным образом отражает большую военную активность казаков в то время. Согласно русским источникам, в 1576 г. они совершили невиданный до того по масштабам поход на Азов⁴¹, закончившийся его взятием, либо, как считают некоторые специалисты, взятием части крепости⁴². По данным Посольского приказа, эта акция казаков вызвала гнев султана Мурада III, якобы писавшего крымскому хану Девлет-Гирею I: «А мне... твой Крымской юрт не стоит одного азовского человека»⁴³. Проблемой казаков султанский двор озабочен теперь постоянно. В том же 1576 г. Мурад III требовал от азовского санджакбея: «Не допускай оседания русов на берегах реки Тен и их входа в крепость под предлогом поставки дров. Проявляй совершенную бдительность и принимай необходимые меры... Не допускай, чтобы русы селились поблизости от Азака»⁴⁴. В 1593 г. казаки вновь осадили крепость и даже сумели ворваться в нее. Азов устоял тогда лишь вследствие помощи, оказанной ему казыевскими ногайцами⁴⁵. В первой трети XVII в. еще несколько раз Войско Донское предпринимало не обычные «шкоты» против Азова, но пыталось захватить его. Многолетняя борьба донских казаков за Азов увенчалась очередным взятием крепости и последующим знаменитым «Азовским сидением» 1637–1641 гг. В итоге казаки оставили разрушенный Азов, а само сидение привело к

сильному ослаблению Войска Донского и снижению, например, его морской активности. После азовских событий обескровленное казачество Дона подвергается ожесточенному натиску со стороны татар и турок⁴⁶. Позже, в июне 1656 г., действуя в союзе с запорожцами, донцы совершили совместную (в итоге — неудачную) атаку на османский Азов, а сама акция состоялась вопреки запрету Посольского приказа.

Ниже вниманию специалистов предлагаются переводы 3 архивных османских документов, первый из которых был опубликован⁴⁷, а два других — использованы в статьях М. Бериндея и Ж. Вайнштейна⁴⁸. И работы этих ученых, и сами документы остаются малоизвестными отечественным исследователям. В публикуемых текстах казаки фигурируют под именем «русов». Термин «рус» как обозначение казаков встречается и в других османских документах XVI в.⁴⁹ «Русами», кроме того, османские источники XVI в. именуют православных подданных Польско-Литовского государства и собственно русских — жителей Московского государства (для последних существовало еще обозначение «москов»). Стоит также учесть замечание М.С. Мейера о том, что термин «рус» (включающий в себя обозначение православных христиан-славян Северного Причерноморья), мог противопоставляться по значению термину «москов» («предназначенному» для обозначения жителей Московского государства)⁵⁰. Отдельный интерес представляет проблема соотношения терминов «рус» и «казак».

Первый документ не датирован. В публикации 1978 г. этот документ определен как «копия султанского послания хану Сахиб-Гирею»⁵¹. На наш взгляд, это может быть и проект султанского послания хану, представленный на утверждение падишаху⁵². Возможно, об этом говорит отсутствие в документе (судя по его факсимиле) даты составления или отправки адресату. По обоснованному мнению французских публикаторов документа, адресатом султанского послания является хан Сахиб-Гирей I (сентябрь 1532 — осень 1551 гг.). Документ, по их предположению, составлен в последние годы правления этого хана («в 1547–1551 гг.»). Учитывая упоминавшееся выше сообщение санджакбея Кафы от 1565 г. о том, что казак по имени «Черкес Миша» (Михаил Черкашенин) обосновался в окрестностях Азова «более 20 лет назад», мы склонны датировать данный документ серединой 1540-х гг. — осенью 1551 г. Отметим, что публикаторы издания 1978 г. справедливо считали маловероятной идентификацию упоминаемых в тексте «русов» с украинскими казаками⁵³.

Второй документ представляет собой отпуск (строго говоря, копию) султанского послания крымскому хану Девлет-Гирею I, а третий — копию указа османскому наместнику (санджакбею) Кафы. В них перечислены меры, которые необходимо было принять каждому из адресатов Порты для охраны рыбаков и рыболовных снастей от казаков. Два последних документа записаны в одном из самых ранних дошедших до наших дней «Реестров важных дел» — (Мюхимме дефтери) — книги регистрации текстов посланий и указов ос-

манских султанов⁵⁴. Содержащий публикуемые документы реестр относится к 959 г. хиджры — 1552 г. н.э. Он хранится в библиотеке Музея дворца «Топкапы» в Стамбуле.

Публикуемые ниже документы являются, очевидно, самыми ранними из дошедших до нас османских источников⁵⁵, в которых говорится о донских казаках⁵⁶. Считаю, что, как и прежде (имея ввиду состояние источниковой базы по казачьей истории еще некоторое время назад), «исследователей поражает внезапность выхода донских казаков примерно во второй трети XVI в. на историческую арену, и то обстоятельство, что... источники... вдруг запестрели сведениями о казачестве, о его боевых делах под Азовом и на Волге, у Перекопа и по всей акватории Азовского моря»⁵⁷. Стоит отметить такую особенность: известия о казаках в таких источниках актуализованы в связи с тем уроном, который те наносили масштабному рыбному лову турок-османов на Азовском море, имевшему для них, как частично писалось выше, стратегический характер. Казаков турки заметили, о казаках стали писать. В данной связи согласимся с замечанием В.Н. Королева о том, что первые «известные на сегодня выходы донских казаков в Азовское море связаны как раз с нападениями на азовских рыбаков»⁵⁸. Вместе с тем подчеркнем такую деталь: действия казаков на Азовском море представляются османским властям еще не настолько серьезными, чтобы заботиться о защите самой Кафы и других османских владений в Северном Причерноморье. Косвенно это свидетельствует о том, что в отношении своих выходов в Азовское море с целью нападений на владения султанов и крымских ханов донское казачество, что называется, пребывало в начале 1550-х гг. лишь «на заре своей истории»⁵⁹.

Нижеприведенные документы интересны также тем, что освещают некоторые аспекты османского присутствия в Северном Причерноморье и Приазовье середины XVI в. Мы узнаем о некоторых сторонах хозяйственной деятельности жителей Азова, получаем сведения о количестве и классе османских военных судов, находившихся в Азове. Наконец, нижеприведенные источники дают представление о практиках османского управления этим регионом, особенностях взаимодействия между властями Крымского ханства и османскими наместниками в Кафе. В этой связи публикуемые документы, а в целом — информативные возможности «Реестров важных дел» XVI–XVII вв. могут быть успешно использованы при изучении такой важной темы, как история османских владений в Северном Причерноморье и Приазовье⁶⁰.

На русском языке документы № 1–3 публикуются впервые. Перевод с османско-турецкого языка осуществлен И.А. Мустакимовым.

№ 1

Середина 1540-х гг. — не позднее осени 1551 г. — Список (проект?) послания султана Сулеймана I крымскому хану Сахиб-Гирею I о необходимости принятия мер по предотвращению нападений казаков на крепость Азов

Указ его высочеству Сахиб-Гирей-хану⁶¹.

Ныне из крепости Азов⁶² прибыл посланный за помощью гонец, который доложил о том, что неверные русы осаждают [эту] крепость⁶³ и производят многократные нападения. Ими убито и взято в плен много мусульман. [Таким образом,] они ввергли [жителей Азова] в бедственное положение и творят зло и мерзость. Жители⁶⁴ крепости Азов прислали [также] список письма, посланного ими бею Кафы.

Ранее Вам было направлено наше высочайшее послание относительно искоренения и отражения вышеупомянутой шайки⁶⁵ русов. Учítывая присущие Вам с давних пор многую искренность и преданность и прекрасную дружбу и приверженность к нашему справедливому Порогу, ожидаемое [нами] от Вас состоит в том, чтобы Вы не медля, в спешном порядке совершили на них⁶⁶ конный рейд⁶⁷. Бею Кафы также приказано безотлагательно выступить к крепости Азов. Вопрос наказания нечестивцев-неверных препоручен [нами] Вашему правому разумению. Известите вышеозначенного бея Кафы о том, какой [образ действий] Вы считаете наиболее целесообразным, после чего в добром единении и союзе должным образом покарайте нечестивцев-неверных.

Вы непрестанно заняты ведением в тех краях священной войны, да и находитесь вблизи от вышеуказанной крепости, [поэтому ведь] не должно быть⁶⁸ возможности совершения презренными неверными таких мерзостей. Жители [же] Азака сообщили, что они находятся в чрезвычайно тяжелом положении. Сообщите, как такое могло произойти, что является причиной этого, какой образ действий будет наилучшим. Не преминьте также сообщать свои добрые вести.

Безотлагательно примите в этом вопросе необходимые меры, дабы впредь не было вероятности совершения подобных деяний неверными-злодеями, а творимым ими злодействам и разбою был положен конец.

TSMA, E. 7246

Опубл.: Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par A. Bennigsen e.a. — Paris, 1978. — P. 131–133.

№ 2

959 г., реджеба 20/1552 г., июля 12. — Отпуск послания султана Сулеймана I крымскому хану Девлет-Гирею I о необходимости принятия мер по обеспечению безопасности рыбаков и рыболовных снастей близ Азова от набегов казаков

Указ его высочеству Девлет-Гирей-хану⁶⁹.

Ныне являющийся дворцовым интендантом⁷⁰ в Богохранимой Кафе⁷¹ Хюсейн прислал к моему Счастливому Порогу донесение⁷², [в коем] доложил [следующее]. Во время извлечения рыбы из казенных дальянов⁷³, находящихся близ крепости Азов⁷⁴, приходят враждебные русы⁷⁵, которые захватывают рыбаков и похищают имеющиеся у них снасти и добытую рыбу. Этим они наносят государственной казне большой ущерб. Для предотвращения этого необходимо ежегодно с начала марта до конца ноября направлять на сторожевую службу по морю⁷⁶ легкие галеры⁷⁷ и каики⁷⁸, а по суше — достаточное количество татарского войска. По прибытии каиков из Кафы в Азов [отряженная на охрану дальянов] часть янычар-невбетчи⁷⁹, солдат [азовского] гарнизона, азабов⁸⁰ и [воинов] подразделения бешлю⁸¹ на находящихся в Азове пяти легких галерах и на каиках [должна] дойти до устья Большого Дона (?)⁸² и стоять там, а на суше [должно] нести сторожевую службу татарское войско. [И] пока такие меры не будут приняты, не перестанет быть наносим урон и ущерб.

В соответствии с присущей Вам прямою и преданностью нашему Порогу — прибежищу мира, для охраны находящихся в Азове дальянов, упомянутых в донесении вышеозначенного чиновника⁸³, направьте по суше достаточное количество татарского войска. Предписав ему⁸⁴ осуществлять охрану необходимого места и расправляться с разбойниками из неверных русов, явите свои прекрасные старания в деле предотвращения нанесения ими урона и ущерба.

Бею Кафы также выслан наш августейший указ относительно [направления] судов по морю.

Приложите усилия к принятию тех мер для решения этого вопроса, какие сочтете целесообразными.

Пометы:

1. Над текстом документа справа: «Переписано [набело]».
2. Над текстом документа в центре: «Дано слуге дефтердара⁸⁵ Мусы Челеби 20 реджеба 959 года».

TSM, K. 888, f. 305ab

№3

959 г., реджеба 20/1552 г., июля 12. — Отпуск султанского указа санджакбею Кафы о необходимости принятия мер по обеспечению безопасности рыбаков и рыболовных снастей близ Азова от набегов казаков

Указ бею Кафы.

Ныне являющийся дворцовым интендантом в Богохранимой Кафе Хюсейн прислал к моему Счастливому Порогу донесение, [в коем] доложил [следующее]. Во время извлечения рыбы из казенных дальянов, находящихся близ крепости Азов, приходят враждебные русы, которые захватывают рыбаков и похищают имеющиеся у них снасти и добытую рыбу. Этим они наносят

государственной казне большой ущерб. Для предотвращения этого необходимо ежегодно с начала марта до конца ноября направлять на сторожевую службу по морю легкие галеры и каики, а по суше — достаточное количество татарского войска. По прибытии каиков из Кафы в Азов [отряженная на охрану дальнянов] часть янычар-невбетчи, солдат [азовского] гарнизона, азабов и [воинов] подразделения бешлю на находящихся в Азове пяти легких галерах и на кайках [должна] дойти до устья Большого Дона (?) и стоять там, а на суше [должно] нести сторожевую службу татарское войско. [И] пока такие меры не будут приняты, не перестанет быть наносим урон и ущерб.

Повелеваю: по прибытии моего высочайшего указа прими меры для решения этого вопроса. Не допускай нанесения ущерба азовским дальнякам ни со стороны моря, ни со стороны суши. Не пребывая в небрежении в деле охраны Азова, для чего принимай необходимые меры⁸⁶.

Хану также выслано мое августейшее послание относительно направления татарского войска. Согласуй с вышеозначенным⁸⁷ и прими меры для охраны [дальнянов] в соответствии с тем, как это изложено в донесении [дворцового интенданта Хюсейна].

Пометы:

1. Над текстом документа справа: «Переписано [набело]».
2. Над текстом документа в центре: «Дано слуге дефтердара Мусы Челеби 20 реджеба 959 года».

TSM, K. 888, f. 305b

¹ Туранли Ф.Г. Османський документ про дипломатичну діяльність гетьмана Петра Дорошенка // Український археографічний щорічник. — К., 2001. — Вип. 5/6; Його ж. Архівний документ султана Ібрагіма про становище козаків та грошову реформу 40-х років XVII століття // Український археографічний щорічник. — Київ–Нью-Йорк, 2004. — Вип. 8/9; Документи по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И. А. Мустакимов. — Казань, 2008; История адыгов в документах Османского государственного архива. — Нальчик, 2009; Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX — начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — С. 9–11; Курникова О.М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2009. — С. 11–13.

² Архивное востоковедение / Тезисы межд. науч. конф. (г. Москва, 23–25 июня 2008 г.). — М., 2008.

³ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // *La Russie et l'Europe XVI–XX-e siècles. Франко-русские экономические связи.* — М.–Париж, 1970; *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin // *Harvard Ukrainian Studies.* — 1982. — Vol. VI. — № 4.; *Ostapchuk V.* Five documents from The Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) // *Journal of Turkish Studies.* — 1987. — Vol. 11.

⁴ *Рябов С.И.* Донское казачество в системе взаимоотношений России и Турции в конце XVI–XVII вв. // Казачество в истории России / Тезисы докл. Междунар. науч. конф. (Анапа, 27 сентября — 1 октября). — Краснодар, 1993. — С. 17–20; *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). — Ростов-на-Дону, 1998; *Его же.* Войско Донское и Запорожская Сечь: к характеру взаимоотношений в первой половине XVII в. // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008). — Warszawa, 2008. — S. 425–437; *Королев В.Н.* Босфорская война. — Ростов-на-Дону, 2002; *Фаизов С.Ф.* «Москва! Москва! Послы! Не стреляйте!»: Нападение на турецкое посольство на Северном Донце в январе 1642 г. (Несколько свидетельств) // *Ucrainica Petropolitana*: Сб. науч. ст. — СПб., 2008. — Вып. 2; *Сень Д.В.* Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII — начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-lecie unii hadziackiej... — S. 531–550.

⁵ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). — Ростов-на-Дону, 2009.

⁶ *Voeck B.J.* Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads to 1739 / Thesis of Doctor of Philosophy in history. — Harvard University–Cambridge–Massachusetts, 2002. — P. 18.

⁷ *Тюменцев И.О.* Зарождение казачества на Волге и Дону и его включение в социальную структуру Московского государства в XV — первой половине XVI вв. // Донское казачество: история и современность: Сб. науч. ст. — Волгоград, 2004. — С. 16.

⁸ *Никитин Н.И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. — 1986. — № 4. — С. 171–172.

⁹ *Королев В.Н.* Босфорская война. — С. 70.

¹⁰ *Савельев Е.П.* Средняя история казачества (Историческое исследование). — Новочеркасск, 1916. — Ч. II. — С. 202–205 и др.; (Репр. Издание. — Ростов-на-Дону, 1990) *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. — Ростов-на-Дону, 1930. — С. 99, 118, 122, 141–142; *Королев В.Н.* Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1999. — № 1, 2. О казаках Азова, в т. ч. татарского происхождения, см.: Сборник русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41). В частности, отвозивший в 1501 г. грамоту турецкому султану А. Голохвастов вез поименный список казаков-грабителей, среди которых — Карабай, Ахмет-турчанин, азовские татары Карача-богатырь с братьями, Дуган Салтамашев с зятем и др., «а подмагают деи казаков азовцев и орднских тутошние жтльцы азовцы... да что привезут, они с ними делятся» (Сб. РИО. — 1884. — Т. 41. — С. 405–406). В 1503 г. против казаков Азова была проведена, по приказу султана Баязида II, адресованному крымскому хану, «акция возмездия» (*Бурлака В.О.* Азов в торговых и дипломатических связях России и Турции в XVI веке // Очерки истории Азова. — Азов, 1992. — Вып. 1. — С. 6–7).

¹¹ *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. — Волгоград, 2005. — С. 16.

¹² См., напр.: Отдел рукописей РНБ. — Ф. 917 (Казы-аскерские книги Крымского ханства). Здесь же, кратко затронув проблему несохранившегося архива ханства, обратим внимание на некоторые важные труды французских и турецких специалистов по использованию османских источников при изучении истории Крыма: *Desaive D.* Le Khanat de Crimée dans les Archives Ottomanes. Correspondance khans de Crimée et padichahs ottomans

dans les registres des nâme-i hümâyûn // Cahiers du monde Russe et Sovietique. — Vol. XIII (4): Octobre-Décembre. — 1972; Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaiye, Chantal Lemerancier-Quellejau. — Paris, 1978; *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. — İstanbul, 1940.

¹³ *Васильева О.В.* Крымско-татарские рукописные материалы в отделе рукописей // Восточный сборник. — СПб., 1993. — Вып. 5. — С. 44.

¹⁴ *Ореикова С.Ф.* «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // Восток (Oriens). — 2005. — № 3. — С. 24.

¹⁵ *Трепавлов В.В.* Вольные казаки и Ногайская орда (Некоторые подробности ранней истории казачества) // Восток (Oriens). — 2002. — № 3. — С. 48.

¹⁶ *Боук Б.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). — Краснодар, 2001. — С. 152.

¹⁷ *Перепечаева Л.Б.* Крепость и посад Азов (конец XVII — начало XX в.) // Очерки по истории Азова. — Азов, 1995. — Вып. 3. — С. 56. См. также: *Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2009. — № 2. — С. 41–42.

¹⁸ *Боук Б.* Фронтир или пограничье... — С. 152.

¹⁹ Донские дела. — СПб., 1913. — Кн. 4. — Стлб. 948.

²⁰ Там же. — Стлб. 442.

²¹ *Мейер М.С., Фаизов С.Ф.* Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений. — М., 2008. — С. 91.

²² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 111. — Оп. 1: 1685 г. — Д. 11. — Л. 2.

²³ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). — Ростов-на-Дону., 2009. — С. 50–54; *Его же.* Турецкий Азов и донское казачество: новые практики отношений (из истории пограничных владений Османской империи второй половины XVII в.) // Отечественная османистика и туркология: итоги и перспективы: Докл. и сообщения межд. научно-практ. семинара (Казань, 2 июля 2009 г.). — Казань, 2009. — С. 123–124.

²⁴ О некоторых аспектах темы см.: *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... — С. 78–79; *Его же.* Некоторые дискуссионные вопросы роли Азова в истории казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа (конец XVII в. — начало XVIII в.) // Исторический вестник. — Нальчик, 2009. — Вып. 8. В указанной связи можно признать несколько прямолинейным мнение крупного специалиста Н.А. Мининкова о характере «перманентной «войны» между казаками и азовцами, «прерывавшейся лишь на короткое время путем установления неустойчивого перемирия, когда это необходимо было для пропуска с Дона в Азов или обратно русских и турецких послов или в период пребывания русского правительства в Турции» (*Мининков Н.А.* Донское казачество... — С. 349).

²⁵ *Рыблова М.А.* Традиционные поселения и жилища донских казаков. — Волгоград, 2002. — С. 24.

²⁶ Мининков Н.А. Донское казачество... — С. 78.

²⁷ Там же. — С. 447.

²⁸ Отдел рукописей РНБ. — Ф. 905. — Д. Q-354. — Л. 133 об.

²⁹ Королев В.Н. Босфорская война. — С. 602.

³⁰ Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présanse italienne a l'emprise ottomane (fin XIII-e — milieu XVI siècle) // Turcica. Revue d'études turques. — 1976. — Vol. 2. — P. 153, 163–164.

³¹ Кушева Е.Н. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. — 1950. — Т. 34. — С. 255. В своей монографии «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е гг. XVII века» (М., 1963) автор в сообщении о назначении санджакбея опустила пассаж о «военной свите» и указала просто на «свиту» (С. 204).

³² Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq... — P. 146.

³³ Лемерсье-Келькеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий... — С. 54.

³⁴ Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — М., 1951. — Т. 7. — С. 294. Любопытно, что группа Елбузлука специально направлялась с «нарядом на Дон острогу имати».

³⁵ Мининков Н.А. Донское казачество... — С. 348.

³⁶ 5 Numaral. Mühimme Defteri (973/1565–1566). Tıpkıbasım. — Ankara, 1994. — S. 190. — Hüküm № 466.

³⁷ РГАДА. — Ф. 127. — Кн. 3. — Л. 104 об.

³⁸ Трепавлов В.В. Вольные казаки и Ногайская орда... — С. 40.

³⁹ Робинсон А.Н. Повести об Азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. — М.–Л., 1949. — С. 173–174. В источнике XVI в. данный пассаж выражен следующим образом: «...русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уж деи мне от нево обида великая; поле деи все да и реки у меня поотымал, поотымал всю волю в Азове, казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.) / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. — Казань, 2006. — С. 57).

⁴⁰ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques. — Т. VIII/2. — Paris–Strasbourg, 1976. — P. 217–218.

⁴¹ На жалобу крымского хана о разорении казаками его владений и нападении на Азов Иван IV отвечал: «...А что де еси брат наш писал, что казаки донские приходили под Азов и Азову много лиха починили, а казаки донские потому же не по нашему велению на Дону живут, бегая из нашего государства... и много лет живут под Азовом, много на Дону живет того: иногда в миру, а иногда не в миру; да только всякие такие дела у них меж делаются без нашего ведома... А про то нам слышать лучилось и сталось азовским людем з донскими казаки меж их рознь и война, и казаки донские, собрався, приходили к Азову, да только всякие дела меж азовских людей и донских казаков делаются, и мирные, и бранные, без нашего ведома» (Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского / Ком., дополнения, вступ. статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. — Ростов-на-Дону, 2001. — С. 51). Обращает, вместе с тем, на себя внимание тот факт, что в отпуске султанского указа

азовскому санджакбею (не позднее 2 октября 1576 г.) речь идет о мирных отношениях донских казаков и Азова, в частности, о поставках «донскими русами» в крепость дров (Мустакимов И., Трепавлов В. Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды. — С. 41).

⁴² Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского... — С. 51. Имеются сведения, что еще в 1574 г. донские казаки сумели на время захватить Азов, пленив, помимо «черных людей», султанского шурина. Одним из поводов к штурму крепости стала казнь крымским ханом сына известного донского атамана М. Черкашенина, что вызвало беспокойство турецкого султана: «Нынече деи ты меж казаков и Азова великую кровь учинил... а ведь деи Азов казаки и жил, а казаки деи Азовом жили, о чем у них по ся место все было смирно» (Цит по: Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. — М., 1967. — С. 169). Характеризуя тот же эпизод, И.Ф. Быкадоров отнес взятие казаками Азова к 1573 г. (Донское Войско в борьбе за выход в море (1546–1646). — Париж, 1937. — С. 26). Вместе с тем следует отметить, что среди текстов султанских указов и посланий, зарегистрированных в «Мюхимме дефтерлери» («Реестрах важных дел») за 1573–1576 гг., мы не обнаружили никаких упоминаний о крупных акциях казаков против Азова за этот период.

⁴³ Цит. по: Мининков Н.А. Донское казачество... — С. 347. Отдельный интерес представляет проблема исторической достоверности информации, поступавшей в Посольский приказ и там переводившейся, интерпретировавшей. Известно, что нередко были случаи сознательно неправильного перевода специалистами приказа содержания грамот российским царям от восточных государей (Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереезславского времени. — С. 161). В данном случае форма выражения султанского недовольства предстает излишне категоричной. Кроме того, необходимо уточнить датировку известия о султанской «гневной» грамоте Девлет-Гирею I в целях детального изучения сюжета о штурме казаками Азака 1576 г. (датировка и пр.).

⁴⁴ Мустакимов И., Трепавлов В. Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды... — С. 41. Справедливости ради нужно отметить, не вдаваясь на современном этапе к сравнению материалов русских и османских источников о набегах казаков 1576 г., что на момент составления указа положение области Азова с окрестностями представлялось туркам-османам спокойным.

⁴⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. — М.–Л., 1948. — С. 41.

⁴⁶ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. — СПб., 2009. — С. 297.

⁴⁷ Le Khanat de Crimée... — P. 131–133.

⁴⁸ Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne a l'emprise ottomane (fin XIIIe — milieu XVIe siècle) // Turcica. Revue d'études turques. — P. 199–200; Veinstein G. Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes. — 1992. — Bd. 82. — P. 412–413. — № 34.

⁴⁹ В султанском указе азовскому санджакбею, изданном осенью 1576 г., казаки названы «донскими русами» (Ten Rusu) (Мустакимов И., Трепавлов В. Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды... — С. 41–42).

⁵⁰ Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией: Сб. ст. — М., 1996. — С. 97–98.

⁵¹ Le khanat de Crimée ... — P. 131.

⁵² См.: Мустакимов И.А. Введение // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов. — Казань, 2008. — С. 30.

⁵³ Le khanat de Crimée... — P. 133.

⁵⁴ Подробную характеристику «Реестров важных дел» как источника см.: Мустакимов И.А. Введение... — С. 27–32. См. также: Мейер М.С. Новые публикации материалов османских архивов // «...У времени в плену». Памяти С.С. Цельникера: Сб. статей. — М., 2000.

⁵⁵ В науке существует дискуссия о времени появления в османских источниках данных о казаках. В частности, еще в 1971 г. французская исследовательница Ш. Лемерсье-Келькеже опубликовала документ (письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I султану Сулейману Кануни ориентировочно за 1521 г.), в котором, согласно ее трактовке, речь шла именно о донских казаках. Ш. Лемерсье-Келькеже предложила тогда такой перевод соответствующей части текста: «многочисленная банда, известная под именем казаков» (*Lemercier-Quelquejey Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 d'après un document inédit des Archives du Musée du Palais de Topkapı // CMRS. — 1971. — Т. 12. — № 4. — P. 484, 488; Le Khanat de Crimée... — P. 114, 116*). На принципиальное значение такой информации о ранней истории донских казаков для науки обратил внимание В. Остапчук, публикуя рецензию на издание 1978 г. (*Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı... — P. 509*). Трактовка Ш. Лемерсье-Келькеже была подвергнута критике рядом отечественных исследователей, придерживающихся мнения о том, что в указанном документе речь идет о казаках (подробнее см.: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции... — С. 56).

⁵⁶ Наиболее ранние свидетельства о донских казаках в источниках русского происхождения относятся к концу 1540-х гг. Первыми известными по этим источникам донскими казаками и их атаманами были путивльцы М. Черкашенина, «товарищи» И. Извольского и люди Сары-Азмана, уже активно вступавшие в столкновения с татарами, азовцами, ногайцами. В частности, в 1549 г. ногайский бий Юсуф писал царю Ивану IV о том, что на Дону «в трех и в четырех местех» существовали уже «городы» царских «холопов», возглавляемых Сары-Азманом (см.: *Трепавлов В.В. Указ. соч. — С. 40 и др.; Мининков Н.А. Донское казачество... — С. 78–79, 341–343 и др.*).

⁵⁷ Мининков Н.А. Альтернативный взгляд советского историка // *Савельев Е.П. Средняя история казачества (Историческое исследование). — С. 300.*

⁵⁸ Королев В.Н. Босфорская война. — С. 602.

⁵⁹ Считаю, что к оценкам масштабов морской активности донских казаков в первой половине XVI в., по крайней мере, до событий 1551–1552 гг., следует подходить более осторожно, чем это делает, например, В.Н. Королев (*Королев В.Н. Босфорская война. — С. 78; Сухоруков В. Указ. соч. — С. 75*). Другое дело, что такое положение изменится несколько позже. В 1556 г., выйдя через р. Миус в Азовское море, донские казаки атамана М. Черкашенина достигли судами Керчи «за Ширинских князей улусом», активно громя крымские берега.. На этот раз, таким образом, стало наверняка известно, что донцы пересекли все море, а масштабы похода М. Черкашенина, подчеркивает Н.А. Мининков,

«более значительны, чем выходы казаков в море в 1552 г. и их нападения на азовских рыбаков». В середине 1570-х гг. Кафа была захвачена запорожскими казаками, а в 1580-х гг. донские казаки продолжают действовать близ Керчи, захватывая, например, рыбаков-черкесов. По сообщению русского посланника Б. Благово, возвращавшегося из Стамбула через Кафу в 1585 г., тамошний паша (санджакбей?) жаловался ему, что «прежде никогда не бывало... чтобы донские казаки приходили для грабежей в столь отдаленные от Дона места, а ныне из турецких городов людей в плен берут и убивают» (*Сухоруков В.* Указ. соч. — С. 75).

⁶⁰ *Berindei M., Veinstein G.* Reglements de Süleymān Ier Concernant le Livā, de Kefe // *Cahiers du Monde russe et soviétique.* — Vol. XVI (1). — Janv.-Mars. — 1975; *Berindei M., Veinstein G.* La présence Ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première Moitié du XVIe siècle // *Cahiers du Monde russe et soviétique.* — Vol. XX (3–4); *Veinstein G.* La population du sud de la Crimée au debut de la domination ottomane // *Memorial Ömer Lûtfi Barkan.* — P., 1980; *Курникова О.М.* Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма ...

⁶¹ Крымский хан в 1532–1551 гг.

⁶² Крепость Азов (Azaq) на Дону с 1475 г. находилась под властью турок-османов, в 1552–1553 гг. стала центром самого северного османского санджака. Е.Н. Кушева справедливо пишет, что с этого времени Азов стал подчиняться лично султану (*Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. — М., 1963. — С. 203). В 1545 г., как указывает Х. Иналджик, Азов входил в Кафинский санджак. Впоследствии, с образованием Кафинского эялета в правление султана Селима II (1566–1574 гг.) (История османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. — М., 2006. — Т. 1. — С. 176), Азов, судя по всему, вошел в его состав. Доминиканец Э. Дортелли д'Асколи (1634 г.) указывал в своем «Описании Черного моря и Татариин», что хотя Азов и подчиняется Кафе, «там особое управление и Порта назначает туда бея, ничего общего не имеющего с пашой; теперешний бей, мой приятель, генузец» (ЗОИДР. — Одесса. 1902. — Т. XXIV. — Отдел 2. — С. 113–114). Из подчинения Кафы, по словам С.Ф. Орешковой, Азов был выведен в 1657 г. и объявлен центром самостоятельного эялета. Э. Челеби (сер. XVII в.) указывает, однако, что в 1656–1657 гг. Азов стал «столицей кефинских везирей», а должность азовского санджак-бея была упразднена (*Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). — Симферополь, 2008. — С. 174). Произошло это в начале знаменитого «периода Кёпрюлю», однако вскоре ситуация изменилась, и земли Кафинского эялета (вновь?) разделили на 7 санджаков, одним из которых оказался санджак Азов. Долгое время своей истории Азов являлся важнейшим центром международной торговли, а также работорговли в Северном Причерноморье.

⁶³ В середине XVI в. Азов состоял из 3 частей, называвшихся Venedik-kalesi («Венецианская крепость»), где проживало 198 мусульманских семей, включая гарнизон; Djeneviz-kalesi («Генуэзская крепость»), в которой проживало 109 мусульманских семей, а также гарнизон; Torprak-kale («Земляная крепость»), где находились 500 татарских воинов-акынджи, 104 семейства рыбаков и 57 греческих семей (*Inalcik H.* Azak // *The Encyclopedia of Islam.* — London–Leiden, 1954. — Vol. 1. — P. 809).

⁶⁴ Население Азова отличалось этнической пестротой. Во второй половине XVI в. здесь проживали татары, турки и греки; степи вокруг города служили кочевьем крымским татарам и ногаям. В Азове, вместе с тем, группируясь в хане, еще в первой половине

XVI в. проживало свободное славянское население (см.: *Королев В.Н.* Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. — 1999. — № 1–2). В указанной связи отметим появление в крепости и казаков, и жителей Московского царства, по разным причинам покидавших «традиционные» места проживания. О казаках, спасавшихся от царской опалы бегством в Азов и Крым, сообщалось в наказе Е. Мальцову, посланному к Исмаилу-мирзе в 1558 г. (*Сухоруков В.* Указ. соч. — С. 70). См. тот же эпизод по данным 5-й Посольской книги по связям Московского государства с Ногайской ордой (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). — С. 268 и др.). В 1572 г. в Азове и Крыму оказались беглые русские дети боярские из разных городов, а также служилые татары, даже призывавшие хана Девлет-Гирея I совершить поход на Москву (*Мининков Н.А.* Донское казачество... — С. 71).

⁶⁵ Tā'ife.

⁶⁶ Т.е. «русов».

⁶⁷ İğar.

⁶⁸ Букв. «нет».

⁶⁹ Девлет-Гирей I — крымский хан в 1551–1577 гг.

⁷⁰ Дворцовый интендант (*hāssa harğ emīni*) — чиновник, ведавший закупками продовольствия и предметов потребления, предназначенных для обитателей султанского дворца.

⁷¹ Кафа (Кефе) (совр. Феодосия) — город на южном берегу Крыма, с 1475 г. входил в состав Османской империи, в XVI в. являлся центром особого санджака (административной единицы во главе с санджакбеєм). О Кафе см. некоторые работы: *Секей Д.* Кафа, Прикавказье и Восточная Анатолия в османской и европейской политике XV в. // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией; *Катюшин Е.* Феодосия, Кафа, Кефе. — Феодосия, 1998; *Balard M., Veinstein G.* Continuite ou changement d'un paysage urbain Caffa Genoise et Ottomane // La Paysage urbain Moyen Age. — Lyon, 1981.

⁷² Mektüb (букв. «письмо»).

⁷³ Hāssa dalyanları. Дальян — стационарная сетная ловушка для рыбы.

⁷⁴ Букв. «в крепости Азов».

⁷⁵ Harbī Rus. Букв. «русы из Страны войны». «Страной войны» (Дар ал-харб) в мусульманской традиции именуется земли, обратные «Стране ислама» (Дар ал-ислам), правители которых не являются мусульманами и которые подлежат завоеванию.

⁷⁶ Bahrdan. Основным значением использованного в этом и следующем документе в противоположность понятию «суша» (*kuğu* или *kara*) слова *bah* является «море», однако оно может обозначать также большое озеро или крупную реку.

⁷⁷ Firkata.

⁷⁸ Каик — легкое беспалубное гребное судно, барка, лодка.

⁷⁹ Янычары-невбетчи — батальоны янычар, направлявшиеся на охрану, как правило, пограничных городов и крепостей. Сменялись каждые 3 года. Янычары — регулярная османская пехота, получавшая жалование из казны. До XVIII в. корпус янычар комплектовался из мальчиков, набираемых среди христианского населения, которые были обращаемы в ислам и получали воспитание в турецких семьях. Янычары составляли ударную силу османской армии, служили в султанской гвардии, занимались охраной крепостей и пр.

⁸⁰ Азаб (азеб) — легковооруженный пехотинец провинциального войска. Кроме того, азабы («холостяки») состояли на службе во флоте, военно-морском арсенале и судоверфи, занимались охраной крепостей. Среди последних были как пешие, так и конные азабы. В отличие от янычар, азабы набирались из «природных» турков. Фактически существование азабов прекратилось в XVII в., но официальное упразднение состоялось много позже, при султане Махмуде II.

⁸¹ Бешлю («бешлеи» русских источников) — солдаты из янычарского корпуса, жалование которых составляло 5 акча (беш акча), откуда и произошло их название. Часто использовались как инженерные войска (занимались постройкой и ремонтом мостов и дорог). Согласно другому объяснению, бешлю — род войск, занимавшихся охраной крепостей наряду с азабами. Обычно играли роль вспомогательных войск. Название же их связано с тем, что ранее бешлю набирались из жителей приграничных сел, которые должны были выставлять 1 воина с 5 дворов.

⁸² Ulu Ten. Очевидно, речь идет о р. Дон. Французские специалисты (*Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présanse italienne a l'emprise ottomane (fin XIII-e — milieu XVI siècle) // Turcica. Revue d'études turques. — 1976. — Vol. 2*), судя по всему, используют такой вариант перевода словосочетания, как «Большой Дон». В отечественной науке имеются опыты обращения к данной работе (см.: *Королев В.Н. Морские походы донских казаков в середине XVI в. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. — 1987. — № 1; Мининков Н.А. Донское казачество... — С. 342*). Н.А. Мининков даже считает, что ссылка на необходимость отправки кораблей к «проливу Большого Дона» могла свидетельствовать об опасении турок возможным плаванием казаков не только вблизи Азова, но и по всей акватории Азовского моря вплоть до Керчи.

⁸³ Nāzir.

⁸⁴ Т.е. татарскому войску.

⁸⁵ Дефтердар — руководитель финансового ведомства. В середине XVI в. в Османской империи было три таких ведомства.

⁸⁶ О последствиях принятых османскими властями мер по сдерживанию и нейтрализации морской активности донских казаков (в чем можно усмотреть реакцию за запросы Стамбула, в т. ч. выраженные в публикуемых выше документах) см., в частности: *Королев В.Н. Морские походы донских казаков...*

⁸⁷ Имеется в виду крымский хан Девлет-Гирей I.